

Подснежник

Когда у богини Снега родилась девочка, она долго думала, как назвать дочку.

Думала-думала, пока не придумала, и назвала — Снежинка.

Снежинка, беленькая девочка с белыми волосами, лежала в белой кровати, под белыми облачными простынями.

Когда Снежинка подросла, к ней, как водится, стали ходить женихи. Пришел Месяц, но Снежинке он не понравился — лысый забудыга, ночами не спит, все по небесным кабакам шатается, а днем заберется под облако и дрыхнет.

Пришел Луч солнца, но Снежинка отказала и ему. Он так горячо клялся в любви, что было трудно ему поверить.

Разгневался бог Снега и сурово сказал дочке:

— Если не можешь сама выбрать мужа, так я это сделаю за тебя.

И он послал весть Ветру, повелителю небесной синевы, у которого было четверо холостых сыновей.

Примчался Ветер на расписных санях. Как бубенцы, звенели ледяные сосульки, примерзшие к уздечкам резвых жеребцов. Снежинку сосватали старшему сыну бога Ветра — Северному ветру.

Счастливая богиня Снега собирала дочери приданое. Набивала перины и подушки мягким снежным пухом, подрубала и шила белые облачные простыни, низала на нитки сверкающие ледяные бусы.

Как принцесса выглядела Снежинка, когда съехались свадебные гости. Довольные родственники желали счастья, нахваливали молодых: какая красивая, ладная пара. Только у Снежинки сердце не радовалось, когда Северный ветер под застольные возгласы «Горько! Горько!» касался холодными губами ее уст.

— Я не могу любить его, — прошептала со вздохом Снежинка, но так тихо, что, кроме матери, никто ее не услышал.

— Не быть моей дочке счастливой. — Материнское сердце дрогнуло от страшного предчувствия.

Когда пир был в разгаре, жених крикнул своему брату Южному ветру, чтобы тот сыграл танец. Южный ветер уселся на край облака, достал из-за пазухи дудку и заиграл. Полилась нежная мелодия, и Снежинка пустилась в пляс. Она вертелась и кружилась, пристукивая звонкими каблучками серебряных туфелек, а озорной деверь, Восточный ветер, хлопал в ладоши и посмеивался. Только Западный ветер, пригорюнившись, все мрачнел и мрачнел, пока не заплакал, припав головой к отцовскому плечу.

— Сын мой, в такой праздник ты плачешь! — удивился отец.

— Почему ты высватал Снежинку брату, а не мне? Почему у меня не будет такой пригожей жены? — захныкал Западный ветер.

Теперь и Южный ветер поднял свои голубые глаза на Снежинку, и они встретились с сияющим взором невесты. Еще нежнее зазвучала дудка, она пела только для одной Снежинки, а Снежинка плясала только для Южного ветра. Что же будет, если заметит злой и ревнивый Северный ветер?! Богиня снега в отчаянии ломала под столом пальцы.

— Дочка, дочка, укроти свое сердце! — умоляла шепотом богиня Снега, когда Снежинка кружилась возле нее.

Но как укротить сердце, в котором пробудилась любовь? Разве могла Снежинка сделать то, на что неспособны даже люди — ни молодые, ни старые, ни глупые, ни умные!

Может быть, Северный ветер, увлекшись беседой с богом Снега, ничего и не приметил бы, если бы снедаемый завистью Западный ветер не ткнул его в бок со злой насмешкой:

— От пылких взоров нашего брата твоя Снежинка скоро растает.

Услышав это, Северный ветер вскипел от ярости, стукнул кулаком по столу и крикнул Южному:

— Спрячь свою дудку, не то я сломаю ее!

Музыка пуглива, как птица. Дудка замолкла, и Снежинка растерянно заглянула в голубые глаза Южного ветра, словно убеждаясь, в самом ли деле любовь его была такой мгновенной.

Снежинка опомнилась лишь тогда, когда Северный ветер вскочил на ноги и взревел:

— Не забывай, Снежинка, что ты моя, а ты, брат, не забывай, что она не твоя! А теперь, Снежинка, ты запляшешь под мою дудку!

Северный ветер засунул пальцы в рот и так пронзительно свистнул, что у всех мурашки по спине пробежали.

— Пляши! Пляши! — приказал он Снежинке.

Как зачарованная стояла она перед простиранным к ней рукам Южным ветром.

Она пыталась повернуться, но ноги ее превратились в ледяные со-
сульки и не повиновались.

— Пляши! Пляши для меня! — Северный ветер взревел так
яростно, что зашатались своды снежного дома, но Снежинка и не ше-
лохнулась.

— А-а-а! У-у-у! — взвыл Северный ветер и, выхватив из-за пояса
бич, замахал им. — Ну, брат мой Южный ветер, теперь я не пожалео
твоих розовых и яблоневых садов. Этой же ночью загублю их своим
дыханием, завтра будешь качаться на высохших ветвях и лить горячие
слезы.

Любовь, должно быть, вернее всего подсказывает, как спасти то,
что любимому жизни дороже. Не успел Северный ветер набрать в
грудь воздух, как Снежинка, увидев помрачневшее лицо Южного,
быстро вспорола свои перины, и мгновенно сады Южного ветра за-
стлались белым снежным покровом. И не страшно уже было розам и
яблоням ледяное дыхание ветра.

Обезумевший Северный ветер попытался отомстить Снежинке.
Он замахнулся на нее бичом, но Снежинка ловко увернулась от удара.

Северный ветер бросил бич и кинулся на Снежинку.

— Свадьба кончилась! — вопил он. — Я отвезу тебя домой и
упрячу в самое темное подземелье. Пускай тебя там загрызут крысы и
мыши, непокорная жена!

Видимо, любовь подсказала и Южному ветру, как спасти ту, что
стала его сердцу всего дороже. Прижав Снежинку к груди, он полетел
с ней к своим садам.

Северный ветер взвыл, как подраненный волк, и, схватив бич, по-
гнался за ними.

От взмахов бича в темном небе мелькали красные полосы, от рёва
содрогался воздух.

Но куда Южному ветру укрыть Снежинку от гнева Северного? Он уложил ее под розовый куст и просил подождать, пока не одолеет в трудной схватке брата.

— Поцелуй меня сначала, мой милый, мой единственный, и я буду ждать тебя хоть всю жизнь.

Южный ветер целовал Снежинку нежно и долго, пока возлюбленная не растаяла в его объятиях, не ушла каплей росы в землю и не растворилась в ней.

— Где она? Куда девалась? — накинудся Северный ветер на брата. — Я только что видел, как ты целовал ее.

— Ах, брат мой, не из-за чего нам больше враждовать, — скорбно ответил Южный ветер. — Вон где она лежит теперь, как капля росы, как слеза, растворившаяся в земле.

— Я не верю ей и тебе не верю, — ответил Северный ветер, скрежеща зубами. — Чтоб она никогда не встала, я придаваю ее ледяной плитой.

Время от времени Южный ветер обходит свои розовые и яблоневые сады. В конце зимы или ранней весной Снежинка, чувствуя его приближение, дыханием растапливает ледяную корку и, высунув головку, заглядывает в голубые глаза возлюбленного.

А люди, завидев маленький беленький цветок, почему-то радуются и рассказывают друг другу, как о большом событии:

— Ты знаешь, в саду уже расцвел Подснежник!

Форстериана

Доводилось ли вам когда-нибудь слышать, как разговаривают цветы? Мне, признаться, не доводилось, пока в одно раннее весеннее утро случайно не подслушала я разговор Подснежника с узбекским диким тюльпаном — Форстерианой. Говорила главным образом Форстериана, а Подснежник только внимательно слушал, лишь изредка перебивая собеседницу вопросами.

Но лучше расскажу вам все по порядку. Луковицы Форстерианы мне подарила приятельница, которая сама выкопала их на каменистых склонах Зеравшанских гор. Осенью я посадила их в саду под стеной дома, рядом с Подснежником.

Весной снег уже стаял в марте, и наступила необычайно теплая погода. Снег стаял, но наледь, оставшаяся с той поры, когда оттепель

сменялась заморозками, пренебрегала ласковыми улыбками солнца. И все же подснежники и ранние форстерианы пробились сквозь ледяной покров и радостно приветствовали весну.

В одну апрельскую ночь я очень поздно сидела за работой, которую непременно хотела закончить. Когда я поставила последнюю точку и, отворив окно, уселась в кресло отдохнуть, подышать свежим воздухом, на краю неба уже розовела утренняя заря.

Вдруг я услышала тонкий звон, такой чистый и приятный, словно где-то чокнулись хрустальными рюмками.

— Доброе утро, — тихо прозвенел колокольчик.

И только чуть погодя более глухой голос ответил:

— Салям алейкум!

— Ты, наверное, чужая в нашем саду? — спросил тонкий голосок.

— Я цвету здесь впервые, — ответили ему.

— Будем знакомы. Я — Подснежник!

— А я — Форстериана!

— Откуда ты попала сюда?

— Из далекого-далекого края, называется он Узбекистаном.

— Стало быть, ты в самом деле издалека, — прозвенел Подснежник, словно знал, где и как далеко находится Узбекистан. — По обычаям нашего сада ты должна рассказать мне историю своей жизни.

— История моей жизни очень печальна, — вздохнула Форстериана. — Мы передаем ее из поколения в поколение, чтобы никто из нас не забывал, какие муки перенесла девочка Форстериана, в чью память вечным огнем горят наши цветы.

— Ну, расскажи, я весь внимание! — с нетерпением воскликнул Подснежник.

— Так слушай. Тысячу лет тому назад в одной из ложбин Зеравшанских гор жил чабан Сабирджан. Жил он в беспросветной нищете, ибо овцы, которых он пас, принадлежали не ему, а богачу Хамиду.

Сабирджан владел всего лишь двумя сильными руками, самодельной дудкой и семью черноокими дочерьми. Младшую из них назвали необычным именем — Форстериана. Сабирджан любил своих дочерей, но не раз им приходилось слышать его вздохи:

— Эх, были бы у меня сыновья...

— Почему он предпочел бы иметь сыновей? — спросил Подснежник.

— Потому что сын для отца точно крылья, а дочери... дочери выходят замуж, покидают отца, и на сердце у него становится одиноко и грустно.

Однажды самая младшая и самая красивая дочь чабана — десятилетняя Форстериана принесла ему обед. Чтобы развлечь усталого отца, она пела песни, которые сама сложила, гибко и плавно танцевала. Щеки Форстерианы порозовели, а черные глаза загорелись, как звезды. Ни одна принцесса не могла бы соперничать с ней.

В этот час злой рок послал в горы богача Хамида, который на статном коне объезжал свои бесчисленные стада. Завидев пляшущую Форстериану, он остановил коня и, спрятавшись за кустом, наблюдал за гибкими движениями прелестной девочки.

Кончив танцевать, Форстериана сказала отцу:

— Отец мой, я хотела бы всю жизнь петь и танцевать людям на радость.

— О дитя мое, — покачал головой отец. — Ты бедная девочка, где тебе взять шелковые одеяния и прозрачные покровы танцовщицы?

Хамид подстерег девочку, когда она с обеденной посудой возвращалась домой, схватил и увез к себе во дворец.

Он запер Форстериану в покой, где сотня таких же красивых девушек ткала ковры. От восхода до заката Форстериана томилась в пыли и полумраке, корпя над постылой, изнурительной работой. Девочка никогда не видела солнца, не слышала пения птиц, она

жила, как в темнице, за толстыми каменными стенами, окна были закрыты ставнями.

Мрачное, безнадежное миновало лето, пришли и ушли осень и зима. Но к весне Форстериану охватила такая тоска по горам, по бурлящим ручьям и песням птиц, что она решила: либо она умрет, либо вырвется на волю.

Однажды девочка подошла к окну и сквозь маленькую щелку глянула вниз. Она увидела, что под окном рассыпаны осколки стекла — чтобы пленницы, если бы им удалось открыть окно и бежать, изрезали себе ноги.

В это время на подоконник села птица — белый голубь старшей сестры Форстерианы — Фаризоды.

Как сообщить о себе домой, сестре? Писать Форстериана не умела, да и никто не умел дома читать. Девочка быстро отрезала свою черную косу, оторвала несколько ниток дорогой пряжи, из которой ткала ковры, и через щелку передала это верному голубю. Птица кивнула и улетела.

Фаризода, получив весть от младшей сестры, долго ломала себе голову над тем, как вызволить сестру. Наконец она решила пойти к старой Турсуное. Старуха одиноко жила в своей лачуге, собирала травы и корни, которыми лечила больных. Поговаривали, что Турсуноя умеет ворожить, но если и умела, то была доброй ворожеей.

Турсуноя выслушала Фаризоду, глянула на месяц и промолвила:

— Свобода даром не дается, за нее надо платить кровью.

— Кровью Форстерианы? — испуганно воскликнула Фаризода.

— Да, кровью Форстерианы, твоей, всех ваших семерых сестер. И не только — но и кровью всех ваших подружек, таких же бедных детей. Так слушай, что я тебе скажу.

Через две ночи, на третью, когда месяц взойдет только после полуночи, Хамид будет давать во дворце большой пир. Как обычно,

